

Клубный клубок

➤ Обещание юных самстройевцев устроить голодовку – не детская шалость

«Мы против!»

«Уважаемый Евгений Вениаминович! К вам обращаются дети поселка Самстрой ММЗ. Мы не согласны с решением о закрытии детского клуба имени П. Р. Поповича на ул. Лермонтова, 103 в этом учебном году.

Мы уверены, что вы не читали наше письмо, и отвечаете нам ваши помощники. А ведь жители нашего поселка выбрали вас главой города. Да и от вас ничего не просят – клуб строили наши бабушки и дедушки, которых вы лишили права и места собираться на праздники и общаться. Не говоря уже о нас, детях.

Только не отвечайте, что клуб закрыли после проверки пожарной безопасности – нарушения есть и в школах, но их не закрывают, а ремонтируют. Ведь нашли же средства, чтобы переделать наш клуб в квартиры для учителей и дворников. Почему нельзя было использовать эти деньги на его ремонт? Или лучше построить еще один физкультурно-оздоровительный комплекс, бассейн на правом берегу? Почему вы там не закрываете клубы?

Школа, куда перевели наши кружки, от нас за два километра. Вы предлагаете нам после занятий бежать домой обедать, а затем возвращаться к тем же учителям, что нас учат, да еще снова нести с собой вторую обувь. Нас это не устраивает. Верните нам клуб, чтобы мы могли находиться в нем рядом с домом, пока родители на работе. Пусть они будут спокойны за нас. Пусть наши бабушки и дедушки, как прежде, собираются в нем на праздники, а мы будем выступать перед ними с концертами. А ваши дети пусть ходят в кружки в школах, как сделали у нас.

Извините. Не думайте, что мы невоспитанные, просто мы не отступим. И наше обещание устроить голодовку остается в силе.

Оригиналы подписей направлены губернатору».

И детские подписи – около сорока, с адресами.

Письмо напечатано с минимальными сокращениями и стилистическими правками. Автор умышленно не называет имен несовершеннолетних, чтобы избежать для них нежелательных последствий.

Отчаянные головы

Отправляюсь по адресам. Время неудачное: не все вернулись из школы – той самой, шестнадцатой, куда перевели детские кружки. Во дворе одной из двухэтажек – здесь выше домов нет – встречаю сразу четверых подписантов не старше десяти-одиннадцати лет из многодетной семьи. В их дворике детской площадки нет, но ребята не огорчаются отсутствием песочницы и для каких-то своих дел роют яму в земле. Подтверждают: будь клуб открыт, они сейчас были бы там. Кое-где застаю семьи авторов письма. Родители о нем знают, с детьми согласны. Женщины на улице тоже за клуб. С оговоркой: «Не за такой». К этому вернемся позднее.

Еще один визит. Меня опережает пенсионерка с собачкой: звонит в нужную мне квартиру и с порога жалует хозяйке на ее вьнука – он участвовал в краже из стайки. Позднее мне расскажут, что мальчишка – его подпись тоже под письмом – совершил еще один налет на

соседское имущество. Самого его не застаю. Но после разговора с двумя старшеклассницами уже не сомневаюсь: среди подписавшихся под максималистским письмом есть отчаянные головы.

Смену сдал – смену принял

Самстрой ММЗ – замыкающий в ряду левобережных микрорайонов. Дальше кладбище и старый аэродром. В центре ЦВИНП – центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей. Дворики чистые, в подъездах на шесть квартир металлические двери с замками – даже на окраине есть от кого закрываться. Микрорайон – малоэтажная застройка эпохи пятидесятых. Клуб на втором этаже двухэтажки был из того же разряда: построен при советской власти метизниками после рабочих смен. Это их потомки пишут письмо с просьбой сохранить наследие. Им есть что вспомнить.

Воспитанники клубных кружков занимали призовые места. Кстати, призеры тоже подписались под письмом. Но кружковая работа – не главное, что привлекало сюда детей. Несмотря на крошечный штат – четверо педагогов, здесь был неформальный клуб общения. В небольших залах репетировали концерты к праздникам, играли в малый теннис и настольные игры попроще, приходили с младшими и старшими братьями и сестрами, «не подлежащими» кружковой работе по возрасту, влюблялись, танцевали, праздновали дни рождения, расхаживали без второй обуви в носках и шлепанцах. Все было по-домашнему, и родители могли позвонить педагогам, а те – им, чтобы «сдать смену»: проводить, встретить, убедиться, что все в порядке. Летом здесь действовал лагерь.

В начале двухтысячных около десяти подростков в Самстрое состояли на учете в комиссии по делам несовершеннолетних. К моменту закрытия клуба – ни одного. Вряд ли это заслуга только клуба, но и его, несомненно.

Можно добавить особое мнение. Ольга Евгеньевна в обеденное время вывозит на прогулку ребенка-инвалида. Андрею семнадцать, но выглядит не старше одиннадцати. Участвовать в клубном веселье он не мог, но любил наблюдать в инвалидном кресле. Подростки помогали поднять и опустить коляску по лестнице, принимали присутствие сына и матери. Такая вот форма воспитания милосердия. И для больного парня это была почти единственная дверь в мир: семья живет слишком далеко, чтобы районное общество инвалидов могло присылать машину за ним одним. Самим им с мамой тем более со двора не выбраться. В школу Ольга Евгеньевна с Андреем не поедут: далековато, много ограничений и незнакомых детей. Жаль, но в масштабных делах на одного не равняются.

Есть и другая сторона вопроса. По

Жаль, что в масштабных делах городской администрации размываются интересы маленького человека

признанию жителей района, в последние годы клуб был уже «не тот». Один из педагогов скатывался в «русскую болезнь», и детское учреждение залихорадило: какой уж там досуг по-домашнему, когда клуб в иные дни оставался на замке. Если и открывался, родители не отпускали туда детей. Посещаемость падала. Председатель КТОСа Александра Шевелева рассказывает, что они с активистами «сигнализируют» в центр детского творчества Орджоникидзевского района, в состав которого входил клуб, – безрезультатно. Теперь те в микрорайоне, кто за клуб, обвиняют центр в бездействии. Те, кто против, – против такого клуба, каким он стал в последнее время.

Детский вопрос

Пора было заглянуть в филиал школы № 16 – бывшую одиннадцатую, невольно оказавшуюся на огневом рубеже. Договариваюсь о встрече

с директором Ольгой Конькиной, а встречает меня на крыльце целая делегация. Кроме директора – ее заместитель Надежда Карпицкая, главный специалист отдела организации дополнительного образования управления образования Елена Кисельникова и, в связи с отсутствием директора центра детского творчества Орджоникидзевского района Любови Ходуновой, исполняющая ее обязанности Виктория Засова. Судя по числу встречавших, для педагогов это важная встреча.

Вероятно, о моем приезде оповещены все педагоги: чувствую это по жесткой рассадке детворы за парты. Слышу, как в одном из кружков на мальчишеское «Можно выйти?» кто-то из взрослых шепчет: «Не сейчас. Побудь здесь». По обмолвке одного из педагогов о том, что пришлось разделить группы на мальчишеские и девчачьи, чтобы не отвлекались, вижу: здесь сначала самолеты, а девушки потом. Понимаю: педагоги даже в дополнительном образовании под дамокловым мечом наполняемости, посещаемости и результативности, и разумнее предьявить мне, неспециалисту, образцовую картинку, чем «полработы». Надеюсь, после моего ухода атмосфера в кружках более непринужденная.

Мне рассказывают о множестве направлений кружковой работы: их куда больше, чем в закрытом клубе. О высокой квалификации руководителей кружков. О том, что слияние дополнительного образования со школьным – уже опробованная практика, нацеленная прежде всего на окраинные районы. О массовости охвата школьников – кстати, почти все авторы письма тоже «охвачены». О том, что упомянутое письмо явно написано под диктовку взрослых, а многие из подписавших его – дети из неблагополучных семей. Считаю, неблагонадежных.

И – к вопросу о закрытом клубе. Обсуждения «русской болезни» избежали – дело прошлое. А закрытию дали твердое обоснование: здание не соответствовало ни санитарным нормам, ни требованиям пожарной

безопасности. Ни заземления для компьютера, ни возможности соблюдения питьевого режима, балконы на грани обрушения, запасные выходы на случай пожара отсутствуют. После трагедий последних лет в образовательных учреждениях эти доводы звучат убедительно. Но никак не отвечают на детский вопрос: почему клуб не ремонтируют, а переустраивают под жилье?

«Они против жилья для бюджетников»

Столкнуть клуб с жильем надумали не дети. В переговорах автора по поводу закрытия клуба чиновники городской администрации понимающе заключали после первой же фразы: «Они против жилья для бюджетников».

Давайте без лукавства. Нет смысла спорить с пользой расширения объема и улучшения качества дополнительного образования. И дети сопротивляются не передаче жилья муниципальным служащим, а закрытию своего досугового комплекса. Именно своего – в поселке помнят, чьими руками он построен. Почему подростки возражают против переноса кружков в школу – понятно: расстояние, вторая обувь и вообще ограничения, даже если они обоснованы. Да и не каждому улыбается после уроков остаться в школе без возможности сменить обстановку. А если ты, к тому же, не лучший ученик? А если тебе шестнадцать-семнадцать и ни в какой кружок ты не вписываешься, а хочешь общаться, слушать музыку – тебе вечером в школу впускают?

Клуб – не совокупность кружков. В кружках обучают, а в клубе самоорганизуются – и хорошо, если руководят этим взрослые. Теперь старшие подростки без участия взрослых самоорганизуются у подъездов и гаражей, на пустыре в направлении аэропорта. Хулиганят, пошаливают с замками в гаражах. Репетируют концерты под музыку из телефонов. И недоумевают, почему в крайнем районе выбрали под жилье «их» клуб, а не соседнее здание ЦВИНП, где до девяностых располагался детсад.

Это одна сторона вопроса.

«И ваши боги

все прощают вам»

Есть и вторая. Большинству школьников все равно, где посещать кружки, если им нужны кружки, а не клубное общение. Но что делать с остальными детьми – не такими причисленными, послушными и жизнерадостными? Они демонстрируют готовность к крайним мерам – обещают голодовку и делают мир на своих и чужих – «закрывают у себя на правом берегу», «пустят ваши дети».

Бесполезно гадать, сами они сочинили письмо или детской рукой водела взрослая. Куда важнее, что подростки улавливают общественные настроения и неосознанно отзеркаливают модель поведения властей. С населением, которое построило клуб, не обсуждали судьбу учреждения ни до вынесения решения, ни после. Даже на августовской отчетной конференции КТОСа, куда пригласили представителей управления образования, не было озвучено постановление главы города «Об изъятии из оперативного управления муниципального образовательного учреждения дополнительного образования для детей «Центр детского творчества Орджоникидзевского района» муниципального имущества и принятии его к учету в муниципальную казну». В результате в Самстрое до сих пор бытует мнение, что закрытие произошло незаконно, без санкции городских властей.

И если при отсутствии диалога власти подменяют существо проблемы хитрым: «Они против квартир для муниципальных служащих», юность спорящая может в это поверить.

Нам это надо? ☹

АЛЛА КАНЬШИНА
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ

➤ Столкнуть клуб с жильем для бюджетников придумали не школьники